

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

УДК 82.0

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СТРАНСТВИЕ» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ**И.Л. ЗАБОГОНСКАЯ***(Полоцкий государственный университет)*

Исследуются вопросы становления и развития теоретических представлений о понятии «странствие» в зарубежной филологической науке (западной и российской). Анализируются концепции странствия, созданные разными литературоведческими школами, способы их интерпретации и систематизации. В статье приведены различные варианты типологии парадигм этих концепций, составленные на основе междисциплинарных исследований (с учетом философского, антропологического, психологического, культурологического, исторического и других аспектов). Особое место в данном обзоре отведено работам, посвящённым этимологии и семантике исследуемого понятия, сравнительно-историческому анализу возникновения и развития концепций странствия и их традиционных вариантов в европейской культуре и литературе. Анализ построен с учётом обширного литературоведческого контекста – от основополагающих трудов Д.С. Лихачева, М.М. Бахтина и О.М. Фрейденберг до современных работ в области гуманитарных наук.

Странствие является одной из наиболее значимых культурных универсалий, так как оно подразумевает процесс самопознания личности, осмысление окружающего мира и его закономерностей. К сожалению, серьёзных филологических исследований самого понятия «странствие» крайне мало. Более того, они все носят исключительно прикладной характер и представляют собой эмпирический анализ репрезентации концепции странствия в творчестве или в отдельных произведениях того или иного автора. Это определяет актуальность последовательного многоуровневого подхода к решению данной проблемы от систематизации результатов междисциплинарных исследований и их интеграции в филологический контекст до анализа отдельно взятого литературного направления.

Движение, время и пространство составляют основу картины мира и процессов трансформации, где движение – это способ эксплицирования остальных категорий. При его переводе в абстракцию и возникает та самая культурная универсалия «путешествие», инвариантом которой является «странствие» (проанализировав значительное количество зарубежных и отечественных научных трудов и художественных произведений, мы пришли к выводу, что понятие «странствие» используется довольно свободно, почти повсеместно замещается элементами синонимического ряда «путешествие»).

Движение всегда было объектом изучения философии, теологии и точных наук, а на данном этапе оно представляет интерес и для гуманитарных и социально-экономических наук, таких как история, социология, культурология, антропология. Литературоведение как эволюционирующая система, постоянно расширяющая свой инструментарий, на современной стадии активно включает результаты междисциплинарных исследований в свой понятийный аппарат.

Одним из первых к проблеме анализа понятия «странствие» как движения с точки зрения пространственно-временных отношений обратился Д.С. Лихачёв в книге «Поэтика древнерусской литературы» (1967). Странствие здесь отождествляется с понятием «Путь» и описывается через особенности динамической структуры художественного пространства, в котором осуществляется движение (например, сопротивление среды) [1].

Специализацию времени в процессе странствия подробнее исследовал М.М. Бахтин, рассматривая как пространственные, так и временные характеристики движения и объединяя их в понятии «хронотоп». Странствие у Бахтина коррелирует с хронотопом дороги, которую автор рассматривает как метафору жизненного пути. Идейно-художественное единство повествования и метафоричность этого концепта достигается «через слияние жизненного пути человека (в его основных переломных моментах) с его реальным пространственным путем-дорогой, то есть его странствованиями» [2, с. 47]. По мнению М.М. Бахтина, основным стержнем богатейшей метафоризации дороги является течение времени, ведь дорога – это «точка завязывания и место совершения событий. Здесь время как бы вливается в пространство и течёт по нему (образуя дороги)» [2, с. 177 – 178].

В теоретическом обосновании концепции странствия, выявлении ее структуры и закономерных связей между отдельными элементами принципиальное значение для современного литературоведения имеют исследования представителей московско-тартуской школы русского структурализма Ю.М. Лотмана и

В.Н. Топорова. В своих трудах «О поэтах и поэтике» и «Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера» Ю.М. Лотман на примере творчества разных писателей выделил общую повествовательную модель, характеризующую концепцию странствия, описав её с точки зрения бинарных оппозиций «соединенное/разбеденное» и ее инвариантов «союз/одиночество», «движение/неподвижность» [3, с. 183], а также таких семантически важных структурных элементов, как «дорога, путь» и «контакт». В соответствии с функцией такого элемента, как «контакт», в концепции странствия, автор условно выделяет следующие типы странников: 1) «наблюдающий жизнь и нравы людей», то есть имеющий контакт с окружающим; 2) «пилигрим, ищущий спасения и истины», то есть контакта с Богом или Природой; 3) одинокий беглец, изгнанник (вне всяческих внешних контактов). С точки зрения целеполагания странники делятся на «идущих по дороге» (к познанию сакральному, этическому или профанному, авантюрному) и скитальцев, которые вручили «свою судьбу неведомым силам» [3, с. 184]. Ю.М. Лотман связывает странствие с изменением, так как «динамика в пространстве – не только знак контакта, но и знак внутреннего изменения» [3, с. 184]. Таким образом «всякое перемещение в географическом пространстве становится отмеченным в религиозно-нравственном отношении» [4, с. 240]. В.Н. Топоров в своём определении Пути прибегнул к своеобразному сочетанию структурного и мифопоэтического подходов, представляя странствие и Путь вообще как «связь между двумя отмеченными точками пространства» [5, с. 352]. Путь рассматривается с точки зрения пространственной оппозиции (горизонтальные странствия героев, участников ритуалов, паломников и вертикальные странствия мифологических персонажей, шаманов, фигуральное путешествие души); с точки зрения мифологической целевой оппозиции (путешествие к сакральному центру и к чужой периферии); как метафорические разновидности странствия. В.Н. Топоров связывал странствие с перемещением во времени, так как считал, что Путь конституируется топографическими и сакральными, а также временными координатами, то есть речь идёт о специализации времени [5, с. 352].

Более обстоятельная мифопоэтическая трактовка путешествия-странствия даётся в книге О.М. Фрейденберг «Поэтика сюжета и жанра» (1936). Мифологема «странствие» рассматривается автором как метафора (которая сама состоит из метафор), как жанрообразующий элемент, как сюжетный мотив с отсылкой к обряду, мифу, материальной культуре, фольклору. В качестве метафоры смерти, жизни, возрождения путешествие-странствие оказывает влияние на формирование эпоса, романа, жанров путешествия. Такой семантический подход к проблеме формы позволил «уловить единство между семантикой литературы и ее морфологией» [6, с. 14].

Подробный обобщающий анализ мотива Пути как структурного элемента понятия «странствие» представлен в диссертационном исследовании Ф.Н. Керашевой. Автор исследует формы реализации мотива Пути в творчестве немецких и русских романтиков XIX века, а также выделяет его основные характеристики как архетипа. Путь, по Керашевой, «связан со смыслом и целью, имеет начало и конец, является проявлением закономерности и взаимосвязи явлений в мире, выражает идею становления и преодоления, содержит момент встречи (перекресток), связан с пространственно-временным хронотопом, содержит горизонтальный и вертикальный вектор направленности, имеет внешнюю и внутреннюю структуру» [7, с. 9].

Странствие как мотив рассматривается и такими литературоведами, как А.Н. Веселовский, А.В. Михайлов, Ю.Б. Боров, а также Я.Э. Пробштейн (в диссертационном исследовании «Мотив странствия в поэзии О.Э. Мандельштама, В.В. Хлебникова и И.А. Бродского» [8]). Но анализ в данных работах носит исключительно прикладной характер. Такого же подхода к изучению странствия в контексте европейской романтической литературы придерживались и авторы сборников «Темница и свобода в художественном мире романтизма» [9] и «Романтизм: вечное странствие» [10]. Эти работы имеют несомненную ценность для изучения отдельных аспектов понятия «странствие», но их теоретическая база явно недостаточна. В них не уделяется должного внимания этимологии и семантике исследуемого понятия, нет сравнительно-исторического анализа возникновения и развития концепций странствия и их традиционных вариантов в европейской культуре.

Странствие неразрывно связано с таким явлением, которое В.Е. Хализев называет «антропологическим аспектом художественной тематики», отражающим «надэпохальные ситуации» из сферы действий, поисков, стремлений человека к цели [11, с. 51]. Рассматривая далее странствие как «онтологическую тему искусства» (В.Е. Хализев), необходимо охарактеризовать культурологические и антропологические исследования российских учёных, имеющие непосредственное отношение к данной теме.

В книге И. Морозова «Основы культурологии. Архетипы культуры» (2001) метафорическое странствие выступает сквозной темой, на которую, как на каркас, нанизываются герменевтические толкования отдельных элементов структуры концепта путешествия – «перекресток», «место», «остров», «выбор», а также его основных оппозиций «дом/храм», «простор/межа», «тьма/просвет» и т.д. Эта работа – своего рода синтез структурного, мифопоэтического и архетипического методов, где автор рассматривает текст, который «закодирован на общечеловеческом языке первосимволов», а странствие – это возвращение человечества «к своему естеству, первородству» [12, с. 18].

В диссертационном исследовании «Путешествие как феномен культуры» (2006) Н.В. Черепанова выделяет некоторые универсальные характеристики путешествия, распространяемые и на все его инварианты. Путешествие рассматривается как «перемещение (реальное или виртуальное) в чужую культуру-

ное пространство с целью выхода за пределы наличного бытия для познания себя и мира повседневности Другого» [13, с. 7]. Среди трансцендентальных условий путешествия автор выделяет потребность человека в самопонимании и в понимании своего культурного мира, самоорганизацию культурного пространства, формирующую места устремлений людей. Доминирующими функциями путешествия выступают компенсаторная и адаптивная [13, с. 7].

Перечисленные работы рассматривали странствие как многоуровневую метафору, мотив, мифологему прежде всего с точки зрения его представления в реальном или художественном пространстве. Странствию же внутреннему как способу трансцендирования в иную реальность в данной работе будет уделено особое внимание в связи с его актуальностью именно в контексте религиозного и романтического мировоззрений, характерных для английского общества.

Антрополог С.С. Хоружий в статье «Введение в синергичную антропологию» формулирует традиционную парадигму «странствия души к Единому через сферы несовершенного бытия» [14, с. 3], связывая её с мифологемой странствия-возвращения, но возвращения не в исходную точку, а к истинному состоянию первоначальной целостности. Это странствие – холистическое восхождение к цели, не присутствующей «в горизонте здешнего бытия», к соединению с «онтологическим Иным» [15, с. 75]. Исследователь выделяет следующие стадии такого восхождения: «блок отрыва» как отречение от социума и своей деятельности в нем; «внимание и молитва»; «радикальная трансформация»; «отвержение чувств» как «размыкание себя»; синергия (контакт человеческих энергий и энергий иных); «возвращение к себе» при помощи этих заново формирующих человека энергий [15, с. 75 – 83]. В качестве методики автор предлагает практику аскезы.

Ещё один антропологический труд – статья профессора И.П. Смирнова «Homo in via», посвящённая странничеству (один из аспектов странствия) – представляет интерес с точки зрения внутреннего странствия. Этот вид странствия отличается своей нецелелеположенностью в социофизическом пространстве, но направлен на переживание «спиритуализации тленной плоти». Отсутствие видимой цели внешнего движения компенсируется векторностью внутреннего, инвертированного движения к самопознанию, таким образом «реорганизуя пространство в чистое время» [16, с. 240].

Однако наиболее комплексный и систематизированный подход к анализу возникновения и становления путешествия как концепции в мировой культуре, типологии возможных парадигм этой концепции и их влияния на формирование литературной традиции осуществили в своих исследованиях западные литературоведы, труды которых носят междисциплинарный характер (учитывают философский, антропологический, психологический, культурологический, исторический и другие аспекты).

Подробный типологический и структурный анализ видов путешествия с точки зрения мотивации и целеполагания приведён в диссертационном исследовании профессора Кевина Мюррея (Kevin Murray) «Жизнь как вымысел» (Life as Fiction) [17]. Используя в качестве основного компонента концепта «путешествие» личностное изменение, он выделил так называемую «парадигму путешествий» (travel paradigm), состоящую из трёх элементов: путешествие-инициация (vision quest, initiation), христианское паломничество (pilgrimage) и путешествие-авантюра (adventure). В своём исследовании путешествия-инициации Мюррей ссылается на труд знаменитого антрополога А. ван Геннепа «Обряды перехода» (A. van Gennep. Les Rites de Passage, 1908), в котором тот, проанализировав и обобщив обряды инициации в различных социальных сферах, выделил три основные стадии перехода (под переходом подразумевается смена общественного статуса иницируемого, его переход в новую роль). Первая стадия – прелиминарная, стадия отделения от общины. Вторая – лиминарная (liminaire), промежуточная стадия перехода. И третья – постлиминарная, стадия воссоединения, включения в социум в новом статусе [18].

Румынский писатель, историк и философ М. Элиаде (Mircea Eliade) в работе «Инициация и современный мир» (Initiation and the Modern World, 1965) привёл общее значение термина «инициация» – это «свод ритуалов и устных учений, цель которых в том, чтобы произвести радикальную модификацию религиозного и социального статуса иницируемого, в результате которой он становится Другим». В философском смысле этот процесс «эквивалентен онтологической мутации экзистенциального состояния» [19, с. 112]. Автор составил типологическую классификацию ритуалов перехода (которые можно проследить в мифологии и художественной литературе). Эта типология отражает содержание церемоний, их усложнение по мере развития. В основе всего явления – пубертатные церемонии взросления, затем – походы-подвиги героев и рыцарей, позже появились испытания шаманов и жрецов. Наиболее сложные уровни включают культовые мистерии и церемонии инициации в массовых религиях [19].

Инициацию как мифологический сюжет становления героя, так называемый «мономиф поисков», подробно охарактеризовал американский литературовед, специалист в области мифологии и компаративистики Дж. Кемпбелл в монографии «Тысячеликий герой» (Joseph Campbell. The Hero with a Thousand Faces, 1949). В своей классификации Кемпбелл сохраняет всё те же три этапа, что и Геннеп, но рассматривает их не с точки зрения антропологии, а как идейно-художественные элементы сюжетной схемы мономифа. Автор предложил циклическую схему странствия героя, по которой тот движется, прежде чем приобретёт свой героический статус. Первая стадия – сепаративная. Это стадия расставания, отчуждения

от окружающей действительности, отказа от социального статуса. Это стадия «зова» извне (сопоставима с «блоком отрыва» по Хоружему), когда «центр притяжения» героя перемещается из пределов его социума в неведомое пространство [20, с. 48]. Это стадия интроверсии, когда психическая энергия направляется вглубь, в ответ на дотоле неразличимый зов «ждущей пустоты внутри» [20, с. 53]. Вторая стадия – лиминальная (liminal). Она соответствует маргинальному состоянию героя, состоянию перехода. На этой стадии происходит окончательное отделение от своего мира, герой попадает в сферу перерождения (символическое «чрево кита»), где он умирает для времени и возвращается в Мировое Чрево, земной Рай [20, с. 77]. Оказавшись в волшебном пространстве, герой проходит ряд тяжёлых инициационных испытаний, достигает главной цели странствия – получает волшебный дар (чаще всего нечто трансцендентное, позволяющее познать себя) [20, с. 155]. Третья, реинтегративная стадия, подразумевает возвращение героя в новом статусе, не менее сложная стадия обратной адаптации.

Эти три стадии инициации получили свою интерпретацию и с точки зрения психоаналитического подхода. Такое странствие к «восстановлению», «реинтеграции» К.Г. Юнг называет «лечением расщепления» [21, с. 91]. Первый этап по Юнгу – это раскрытие Персоны, отказ от своих социальных ролей («актёрских личин»), отделение их от своей сущности. Второй – встреча с Тенью: «Тень является жизненной частью личностного существования <...> Тень напоминает о его беспомощности и бессилии». Когда человек признает существование проблем, которые он не в силах решить собственными средствами, у него «появляется способность услышать мысль, готовую прийти на помощь, воспринять то, чему ранее не дано было выразиться в слове» [22, с. 111]. И третий этап – встреча с Анимой/Анимусом, с жизнью «по ту сторону всех категорий» [22, с. 118]. Здесь происходит реинтеграция, развитие Самости. Этот процесс внутреннего странствия-становления Юнг обозначает как архетип трансформации, который «соответствует естественному ходу жизни, за время которого индивид становится тем, кем он уже всегда был» [22, с. 127].

В этой связи не менее интересным является и утверждение М. Элиаде о том, что инициация лежит в основе любой человеческой жизни, так как «любая истинная человеческая жизнь подразумевает глубокий кризис, испытания, страдания, потерю и повторное завоевание собственной личности, “смерть и воскресение”» [23, с. 135]. Автор развивает мысль, что независимо от того, какого уровня успешности добился человек, для каждого рано или поздно наступает момент, когда он осознает, что жизнь прожита зря. Это осознание развивается из смутного ощущения, что он не исполнил своего призвания, предал всё лучшее в себе. Единственный выход в такие моменты «тотального кризиса» – решительное и полное обновление, которое способно полностью изменить саму жизнь [23, с. 135].

Ту же идею находим и у Мюррея Стайна (Murray Stein) в статье «О современной инициации в духовное» (On Modern Initiation into the Spiritual), где автор, наряду с намеренной (deliberate), выделяет еще и спонтанную или духовную инициацию (spontaneous or spiritual), различая их по наличию осознанной интенции, традиционной организации и цели. Далее Стайн продолжает идею Элиаде о «тотальном кризисе» как условии для трансформации. По его мнению, духовная инициация неотделима от процесса трансцендирования индивидуума, когда личное возвышается до безличного, индивидуальное до архетипического, когда чье-либо существование, ограниченное временными рамками человеческой жизни, бесконечно расширяется за границы времени и пространства. Человек обретает бессмертие [24, с. 86].

Ещё одна разновидность путешествия – паломничество – в некоторых аспектах почти идентична инициации. Именно этой разновидности путешествия-странствия посвящена работа Ди Дайас (Dee Dyas) [25], в которой она прослеживает историю становления концепции паломничества в средневековой английской литературе. Автор даёт многоуровневый анализ паломничества как культурной универсалии, выделяет его концептуальные схемы и использует их для анализа общеизвестных литературных произведений английского средневековья.

Базовое понятие «паломничество» предполагает путешествие верующих к святым местам в надежде получить сверхъестественную помощь, озарение. У христиан паломничества начались с путешествия в Палестину, откуда паломники привозили пальмовую ветвь. Кроме Палестины католики посещали Рим, православные – гору Афон (Греция). Но понятие «паломничество» могло подразумевать не только буквальное, физическое путешествие (place pilgrimage) [25]. В своём метафорическом значении оно использовалось ещё в Святом Писании, обозначая духовное становление в течение жизни, и, следовательно, было первичным по отношению к физическому. В этом с Д. Дайас соглашается и литературовед Ф. Эдвардс (Philip Edwards) в книге «Паломничество и литературная традиция» (Pilgrimage and Literary Tradition), выделяя первичную парадигму странствия-изгнания (exile) в библейских текстах (по аналогии с изгнанием Адама из Рая и последующими синонимичными сюжетами) и отмечая ее принципиальную роль в английской литературной традиции [26, с. 6].

Д. Дайас ссылается на традиционное мировоззрение англичан той эпохи, когда земному изгнанию противопоставлялся Небесный Дом, временным страданиям – вечное блаженство. И тому, кто принимал сознательное решение пройти свою жизнь покорным, кающимся пилигримом, следовало заслуженное

воздаяние в Небесном Иерусалиме. Именно такую модель странствия Д. Дайас предлагает называть «моральным» или «духовным» паломничеством (*moral, spiritual pilgrimage of life*).

В своей книге автор также уделяет большое внимание «парадоксу внутреннего паломничества» (*interior pilgrimage*), в котором «двигаться вперед можно, лишь оставаясь неподвижным» [25, с. 205]. Автор связывает этот тип паломничества с монашеской традицией отшельничества, медитации и мистцизма, которая перекликается с исихастской практикой, описанной С.С. Хоружим.

Все вышеперечисленные формы паломничества имеют общую структуру, состоящую из четырех элементов: добровольное решение, путешествие к отдалённому месту, созерцание предметов и прочтение в этих предметах свидетельств чудесных событий прошлого, переживание сопричастности. Помимо этого сюда относят и возвращение в исходную точку (домой) для дальнейшего осмысления. Паломник может претерпеть трансформацию, духовную или телесную, которая дарует ему более высокое моральное состояние. Размышляя о сакральных событиях, связанных с тем или иным местом, паломник может обрести знание, которое вдохновит его жизнь по возвращении домой. Кроме того, единение между паломниками часто демонстрировало то единство, которое должно было бы существовать между людьми вообще.

Такой вид путешествия отличается от инициации. В отличие от инициации, паломничество является добровольным и происходит без смены статуса, тогда как инициация как раз и направлена на смену социального статуса своих участников (из детей они переходят в разряд взрослых, из массы в индивидуальности). Помимо того, в паломничестве обычно отсутствует особое идентифицирующее «послание», видение, предназначенное одному паломнику и отделивающее его от остальных, дающее индивидуальность. Паломничество – это путешествие, где все участники объединяются как равные перед ликом более великой силы, здесь нет индивидуализации сакрального знания.

Тем не менее и паломничество, и инициация имеют точки соприкосновения, где значения их совпадают. Джон Финни (John Finney) и Стив Крофт (Steve Croft) в сборнике статей, посвящённом христианству в Англии и составленном для Генерального Церковного Синода Англии, объединяют такие понятия, как «духовное паломничество» и «инициация», в единую структуру, которую называют «христианской инициацией» (*Christian Initiation*). По мнению авторов, идея странствия является главным мотивом сюжетов Писания от зова к Аврааму до странствующего Христа и далее. В качестве символа человеческой жизни и пути к вере странствие подразумевает необходимость изменения и развития [27, с. 20].

Самая очевидная форма третьего путешествия (по Мюррею) – путешествия-авантюры – подразумевает различие между людьми. Воинствующий спутник паломничества – крестовый поход (*crusade*). Значительная часть средневековой культуры формировалась вокруг похода (*quest*) как основной формы жизни. Испытания рассматриваются как конфликт между добром и злом. А поход – способ демонстрации их власти над судьбой отдельной личности. Главное отличие между путешествием-авантюрой и двумя другими видами путешествия – упор на материальном вознаграждении [17].

В Англии эта форма путешествия позже превратилась в так называемое «большое турне» (*grand tour*). Но и здесь упор делался на сборе полезной информации за границей. В отличие от паломничества, которое усиливает прежнюю веру, «большое турне» ставит под сомнение прежнее знание. Польза путешествия в том, чтобы скорректировать воображение реальностью, и вместо того, чтобы представлять, как, может быть, увидеть то, что есть. Результат такого путешествия – обогащение разума знанием, исправление суждений, очищение образования от предрассудков, формирование толерантной личности.

Проанализировав возможные подходы к определению понятия странствие, можно выделить одну общую особенность, характерную для всех интерпретаций. Главный компонент странствия, точнее, главный фактор, который позволяет называть странствие странствием – личностное изменение, внутреннее движение человека «в себя». Этот процесс имеет поразительно схожее описание у писателей и филологов, антропологов и социологов, философов и историков – единственное, что их отличает – терминология.

Особо следует отметить, что представленные выше концепции странствия не являются универсальными для всех эпох и социумов, это своего рода «квинтэссенция» знания об этом феномене, отражающая его репрезентацию именно в европейской культуре. Отдельно нужно подчеркнуть, что каждая эпоха вносила свои смысловые «пласты» или порождала совершенно новые варианты. Поэтому рассматривать представления о странствии в контексте какого-либо временного промежутка в отдельно взятой социальной группе можно лишь с учётом их культурно-исторических особенностей. А, говоря об отдельно взятом авторе и отдельно взятом произведении, ещё и с учётом контекстуального «момента».

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачёв, Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачёв. – 3-е изд., доп. – М.: Наука, 1979. – 372 с.
2. Бахтин, М.М. Эпос и роман / М.М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – 304 с.
3. Лотман, Ю.М. О поэтах и поэзии / Ю.М. Лотман. – СПб.: «Искусство-СПб», 1996. – 848 с.

4. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
5. Топоров, В.Н. Пространство / В.Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: «Советская Энциклопедия», 1980. – Т. 2: К – Я. – С. 352.
6. Фрейдберг, О.М. Поэтика сюжета и жанра / О.М. Фрейдберг; под ред. Г.Н. Шелогурова. – М.: «Лабиринт», 1997. – 448 с.
7. Керашева, Ф.Н. Религиозно-мифологический мотив пути в русском и немецком романтизме: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01; 10.01.03 / Ф.Н. Керашева; Кубанск. гос. ун-т. – Краснодар, 2007. – 21 с.
8. Пробштейн, Я.Э. Мотив странствия в поэзии О.Э. Мандельштама, В.В. Хлебникова и И.А. Бродского: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Я.Э. Пробштейн. – М., 2000. – 170 л.
9. Темница и свобода в художественном мире романтизма / редкол. Н.А. Вишневская [и др.]. – Вып. 1. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 352 с.
10. Романтизм: вечное странствие / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького; отв. ред. Н.А. Вишневская, Е.Ю. Сапрыкина. – М.: Наука, 2005. – 398 с.
11. Хализев, В.Е. Теория литературы: учебник / В.Е. Хализев. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2004. – 405 с.
12. Морозов, И.В. Основы культурологии. Архетипы культуры / И.В. Морозов. – Минск: «ТетраСистемс», 2001. – 607 с.
13. Черепанова, Н.В. Путешествие как феномен культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Н.В. Черепанова; Томск. гос. пед. ун-т. – Томск, 2006. – 19 с.
14. Хоружий, С.С. Православное покаяние как антропологический феномен [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: http://synergia-isa.ru/?page_id=4301#Н. – Дата доступа: 15.04.10.
15. Хоружий, С.С. Синергичная антропология. Томские лекции / С.С. Хоружий // Вестник Томск. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология. – 2008. – № 1(2). – С. 54 – 88.
16. Смирнов, И.П. Homo in via / И.П. Смирнов // Генезис. Философские очерки по социокультурной начинательности / И.П. Смирнов. – СПб.: Алетейя, 2006. – С. 236 – 250.
17. Мургау, К. Life as Fiction / К. Murray [Электронный ресурс]. – 1990. – Режим доступа: <http://home.mira.net/%7Ekmurray/psych/phdch1.htm>. – Дата доступа: 15.04.10.
18. Геннеп, А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. Ван Геннеп; пер. с франц. – М.: Восточная литература РАН, 1999. – 198 с.
19. Eliade, M. Initiation and the Modern World / M. Eliade // The Quest: History and Meaning in Religion / M. Eliade. – Chicago: The University of Chicago Press, 1984. – P. 112 – 126.
20. Campbell, J. The Hero with a Thousand Faces / J. Campbell. – 3rd ed. – Novato: New World Library, 2008. – 418 p.
21. Юнг, К.Г. Подход к бессознательному / К.Г. Юнг; пер. В.В. Зеленского // Архетип и символ / К.Г. Юнг; сост. и вступ. статья А.М. Руткевича. – М.: Ренессанс, 1991. – С. 23 – 94.
22. Юнг, К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного / К.Г. Юнг; пер. А.М. Руткевича // Архетип и символ / К.Г. Юнг; сост. и вступ. статья А.М. Руткевича. – М.: Ренессанс, 1991. – С. 95 – 128.
23. Eliade, M. Birth and Rebirth: the Religious Meanings of Initiation in Human Culture / M. Eliade. – NY.: Harper, 1958. – 175 p.
24. Stein, M. On Modern Initiation into the Spiritual / M. Stein // Initiation: the Living Reality of an Archetype / T. Kirsch [etc.]. – NY.: Routledge, 2007. – P. 85 – 103.
25. Dyas, D. Pilgrimage in Medieval English Literature, 700 – 1500 / D. Dyas. – Cambridge: D.S. Brewer, 2001. – 288 p.
26. Edwards, P. Pilgrimage and Literary Tradition / P. Edwards. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 218 p.
27. Finney, J. Adult Initiation / J. Finney, S. Croft // On the Way: Towards an Integrated Approach to Christian Initiation / Church of England. – Trowbridge: The Cromwell Press Ltd., 1995. – P. 18 – 29.

Поступила 26.02.2010

THE CONCEPT OF “WANDERING” IN SCIENTIFIC DISCOURSE

I. ZABOGONSKAJA

The article dwells upon theoretical representations of the concept “wandering” and their evolution in foreign philological studies. The attention is focused on conceptions of wandering, developed with the help of various analytical approaches, and on their interpretation and classification ways. Different typological paradigms of these conceptions are constituted on the basis of interdisciplinary research considering philosophical, anthropological, psychological, historical and other aspects. The review deals with the works on the etymology and semantics of “wandering”, comparative-historical analysis of its conceptions, their emerging and development in European culture and literature. A wide range of literary research is taken into consideration, starting with the basics of D.S. Lihatchev, M.M. Bahtin, O.M. Freidenberg and proceeding to modern humanitarian approaches.